

неожиданно заявили, что для получения места в эшелоне необходимо быть не русским, а “украинцем”. Я без всякого стеснения тут же попросил мне объяснить, что это значит? Оказалось, что согласно завоеваниям революции украинцами следует считать всех жителей южной России с половины Курской губернии до моря. Это сразу подняло во мне дух, и я на месте объявил себя украинцем»⁴⁰. Генерал В.Н. фон Дрейер убедил в Москве консула Украинской державы в том, что он «украинец», спев народную песню (с. 57). Неудивительно, что отношение офицеров новоиспечённой украинской армии к государству, которое им предстояло защищать, было, по свидетельству С.В. Маркова, «явно пренебрежительное, как к стране опереточной, созданной немцами, так сказать, для собственных надобностей» (с. 74).

Александр Репников: Трагическая актуальность

Сугубо научная книга А.С. Пученкова гораздо сильнее, чем иная политически ангажированная статья, заставляет читателя задуматься о проблемах, которые вовсе не ушли в прошлое. «Распад Российской империи, – пишет автор, – породил мощнейшие национальные движения на окраинах: насаждение новой государственности на территории вчерашних генерал-губернаторств и краёв сопровождалось невиданным разгулом жестоких страстей... Украина и Крым стали объектом беззастенчивого интереса союзников, а перед этим – центральных держав. И те, и другие преследовали в первую очередь свои собственные интересы, рассматривая занятую территорию как великолепную сырьевую и геополитическую базу, а население – как обслуживающий персонал... Ужас и бессмысленность братоубийственной бойни легче чем где бы то ни было можно проследить на примере рассматриваемого региона. Особенность развития политического процесса на Украине и в Крыму заключалась в нарастающей силе хаоса и жестокости противоборствующих сил» (с. 3).

Попытка Пученкова реконструировать в одной монографии судьбу независимой Украины и Крыма в 1918 – начале 1919 г. свидетельствует о профессиональных амбициях историка, а подзаголовок «очерки политической истории» указывает на объективную оценку им собственных возможностей и вклада в историографию. Свою работу он рассматривает лишь «как *первое приближение* в решении сложной исторической проблемы» (с. 6). Очевидно, это не финальный, а скорее промежуточный итог научного поиска историка. Некоторые сюжеты, явно понравившиеся автору, прописаны излишне детально, но многое в его очерках намечено лишь пунктиром. Так, за рамками исследования остались Русский исход и красный террор в Крыму. Вместе с тем материала (прежде всего выявленного в российских и зарубежных архивах: РГАСПИ⁴¹, ГА РФ, РГВА, РГА ВМФ, ЦДАГО Украины, государственных архивах Киевской и Одесской областей и др.) у автора накоплено немало, и часть его ранее была уже успешно обобщена⁴².

⁴⁰ Марков А.Л. Записки о прошлом (1893–1920). [Б. м. и г.]. С. 373.

⁴¹ Освещая переговоры между Украиной и Советской Россией весной – осенью 1918 года (с. 58–67), автор, к сожалению, не использовал документы РГАСПИ, в большей степени обратив своё внимание на опубликованные источники.

⁴² Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина... Монография эта из-за не большого тиража и повышенного интереса читателей стала уже библиографической редкостью.

Вопреки сложившейся традиции, Пученков не стал предварять работу подробным анализом историографии, сравнивая различные точки зрения историков (от И.И. Минца и Г.З. Иоффе до В.И. Голдина, Д.Я. Бондаренко, В.Ф. Солдатенко и др.) непосредственно на страницах монографии⁴³. Сделано это профессионально, хотя иногда чувствуется увлечённость автора, опровергающего те заведомо необъективные и критически-пристрастные оценки, которые советские учёные раздавали своим политическим оппонентам. Справедливости ради следует отметить, что «белогвардейская» историография тоже не беспристрастна, о чём Пученков деликатно, но твёрдо напоминает. В целом же автор стремится стоять «над схваткой», и его спокойно-повествовательный тон производит гораздо более сильное впечатление (особенно там, где описываются трагические события), нежели эмоциональные комментарии, присущие некоторым «популярным работам». Это важно ещё и потому, что Гражданская война остаётся кровоточащей раной постсоветского пространства, и к ней тянутся корни многих сегодняшних конфликтов.

Страницы книги насыщены «голосами» российских и в меньшей степени украинских политиков, большевиков и их оппонентов, красных и белых. Все они предлагают читателю своё виденье и оценку событий. Цитат в книге очень много, но это тот самый случай, когда лучше дать большую цитату (с. 27–28, 75–76, 91, 96–97 и т.д.), чем её пересказывать. Иногда автор приводит фразы, передающие драматизм времени. «Мы дали залпы из винтовок по тем, кто этого заслужил» – так главный комиссар Черноморского флота В.В. Роменец, оправдываясь, характеризовал расстрелы офицеров в Севастополе 23 февраля 1918 г. Число невинных жертв составило тогда от 250 до 300 человек (с. 125–126). При этом, как отмечает историк, «само население Крыма по сути своей никакого сопротивления террору не оказало» (с. 128). Пассивность масс, идущих на заклание, требует ещё специального изучения. «Кто и как произведёт свержение большевизма – об этом массы не думали, – вспоминал генерал В.А. Кислицин. – Они просто верили, что разразившийся коммунистический кошмар недолговечен и “кто-то” обязательно и скоро покончит с ним. А пока, в ожидании этого “кого-то”, позорно бездействовали» (с. 89). Но можно ли упрекать людей, сформированных в основном «старым», дореволюционным временем, когда борьба всё же велась «по правилам», в том, что они не хотели психологически «приспосабливаться» к ситуации Гражданской войны? Радикализм, экстремизм, разгул преступности (на который обращает внимание и автор книги) лучше вписывались в изменившуюся реальность. Искушённые в интригах, но нерешительные в поступках проигрывали менее опытным в политике и дипломатии, но скорым на решительные действия. В переломные эпохи приходится действовать так, как будто создаваемое должно существовать вечно, и когда мыслишь категориями вечности (прекрасно понимая при этом, что всё может рухнуть в один момент), политика становится искусством невозможного.

Политики и военные, противостоявшие большевизму, тоже старались действовать решительно, но у них не всегда это получалось. Наиболее энергичен был В.В. Шульгин, который по числу упоминаний в книге может соперничать с П.П. Скоропадским и А.И. Деникиным. Высказывания и оценки Василия Витальевича постоянно используются Пученковым в качестве своеобразной «лакмусовой бумажки» при характеристике людей и событий. Даже мнения

⁴³ Автору стоило внимательнее отнестись к работе О.С. Федюшина «Украинская революция. 1917–1918» (М., 2007), несмотря на отсутствие в ней научного аппарата.

П.Н. Милюкова, чей дневник 1918–1921 гг.⁴⁴ автор часто цитирует, приводятся в монографии гораздо реже. Не последнюю роль здесь играет чёткость шульгинской позиции в рассматриваемый период: «1. Против немцев. 2. Против украинцев-мазепинцев. 3. Против большевиков. 4. За Добровольческую армию»⁴⁵. Шульгин и в 1918 г. продолжал воспринимать Германию как противника и ориентировался на страны Антанты, от которых ожидал помощи Белому движению. Вскоре после вступления германских войск в Киев в феврале 1918 г. он в знак протеста отказался издавать «Киевлянин» (с. 27–28). Брестский мир его возмущал⁴⁶. Но от «агентов кайзера» их противники иного и не ожидали, союз же антантофила Милюкова с немцами его современникам понятен не был (с. 92–97). Как пишет Пученков, «добровольческое офицерство видело в немцах не только внешнего врага, но и ту силу, которая породила большевизм, и любой альянс с немцами казался армейской массе недопустимым» (с. 101). Можно ли создавать государственную власть на «силе вражеских штыков»? «Народ нам этого не простит», – заявил, размышляя над этим вопросом, кн. В.А. Оболенский. «Народ? – возразил ему Павел Николаевич. – Бывают исторические моменты, когда с волей народа не приходится считаться» (с. 97).

Из книги Пученкова видно, что практически все противоборствующие силы были заинтересованы в некоем подобии порядка. Даже анархистствующая матросская вольница имела свои (правда, весьма своеобразные) понятия о справедливости. Но лидеры как революции, так и контрреволюции в равной мере не понимали и не хотели понять народ. Они «конструировали» собственный образ «государства», «народа», «трудящихся» и «светлого будущего» для России и Украины⁴⁷. По словам историка Е.М. Мягковой, Гражданская война показала, что «отношение к народу на протяжении веков оставалось двойственным»: «Обожествляя идеальное, вымышленное, по сути, крестьянство, правые и левые относились одинаково скептически к крестьянству реальному – переменчивому, ненадёжному, податливому на крайности. Их пугало невежество простолюдинов, оборачивавшееся в годину социальных потрясений “бессмысленным, беспощадным и кровавым” бунтом»⁴⁸. Пугало и принимающее формы кровавых расправ стремление к «воле» во всей её хлещущей через край безграничности.

Пренебрежительное отношение к народу и «взбунтовавшейся черни» высказывали и государственные чиновники, и либерал-западник Милюков, и консервативно настроенные офицеры и интеллигенты (достаточно вспомнить «Окаянные дни» И.А. Бунина или дневник М.О. Меньшикова 1918 г.). Да и сами большевики при всём их «народолюбии» не собирались потакать недовольству

⁴⁴ Дневник П.Н. Милюкова. 1918–1921 / Публ., коммент. Н.И. Канищевой. М., 2004.

⁴⁵ Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключенного / Сост., вступ. ст. В.Г. Макарова, А.В. Репникова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова, А.В. Репникова. М., 2010. С. 163.

⁴⁶ Найти точки соприкосновения с Германией (и гитлеровским режимом) Шульгин пытался позже: Тюремная одиссея Василия Шульгина... С. 223–226; Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. / Сост., вступ. ст. и примеч. О.В. Будницкого. М., 2012. С. 423–426.

⁴⁷ См.: Мягкова Е.М., Репников А.В. Образы Французской революции в общественной мысли России XIX в. // Россия XXI. 2012. № 5. С. 102–123.

⁴⁸ Мягкова Е.М. Война нелепая и блистательная // Дилетант. 2014. № 4. С. 19 Подробнее: она же. Народ // Революционная мысль в России XIX – начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Журавлёв. М., 2013. С. 307–321.

низов, будь это бастующие рабочие Петрограда, крестьяне тамбовщины или те же матросы, которым «аукнутся» в 1921 г. в Кронштадте убийства офицеров в 1917 г. «В России на протяжении её тысячелетней истории человеческая личность никогда (при любых режимах) не ценилась и не принималась в расчёт, – констатирует современный историк. – Эта, по сути, антикультурная традиция сохранилась, к сожалению, и по сей день»⁴⁹.

Так или иначе, но «русские поддерживали эсеров и большевиков, потому что комиссары, будто детям, пообещали народу показать Волшебную Страну»⁵⁰. А что могли обещать белые? Несмотря на трения и различия во взглядах, относясь к Деникину с долей сочувствия, Шульгин утверждал, что у того «была аристократическая душа», и одновременно сетовал на отсутствие у него настоящего «вкуса к власти». Это, по мнению Шульгина, оказало генералу плохую услугу: получив свою «шапку Мономаха» после смерти Л.Г. Корнилова, Деникин не отказался от тяжёлой ноши, но «душа его была в другом месте», и это чувствовалось во всех его поступках⁵¹. Совсем иначе Шульгин оценивал А.Н. Гришина-Алмазова и тем более барона П.Н. Врангеля, которых считал прирождёнными вождями. «Белому лицу Бессилия» Шульгин пытался противопоставить идеал вождя – сильной личности. Таким он считал Гришина-Алмазова, которым, судя по последующим воспоминаниям, был буквально очарован⁵². Казалось, ему удалось найти лидера, обладавшего «магической повелительной силой»: «Гришин-Алмазов, настоящий диктатор. Он имел какие-то гипнотические силы в самом себе, причём он бросал гипноз по своему собственному желанию... Он был красочная фигура своего времени. Смесь доблести и жестокости, для нас даже малопонятной. Быть может, такова природа всех диктаторов»⁵³. Впрочем, характеризуя Гришина-Алмазова, Пученков приводит различные, порой взаимоисключающие оценки (с. 206–207, 210–211)⁵⁴. Запоминаются также краткие, но ёмкие «исторические портреты» Д.Д. Тундутова (с. 111–112)⁵⁵, Ф.А. Келлера (с. 120–121, 172–182)⁵⁶, М.А. Сулькевича (с. 131–133, 147–148, 236–237), Э. Энно (с. 190–196, 214–215

⁴⁹ Шелохаев В.В. Последний разговор // Долг и судьба историка: Сборник статей памяти доктора исторических наук П.Н. Зырянова. М., 2008. С. 50.

⁵⁰ Зарифуллин П.В. Новые Скифы: Статьи, эссе. СПб., 2014. С. 204.

⁵¹ Кстати, один из соратников критиковал самого Шульгина именно за то, что «у него не было властного позова»: *Ефимовский Е.А.* В русском Киеве в 1918 году: Политические силуэты (Отрезок времени) // Возрождение: Литературно-политические тетради. 1958. Тетрадь 78. Июнь. С. 136.

⁵² Шульгинская увлечённость сильными личностями и «влюблённость» в них привела его сначала к преклонению перед П.А. Столыпиным (в котором он видел альтернативу «слабому» Николаю II), потом – к генералам Алексееву, Деникину, Гришину-Алмазову, Врангелю, впоследствии у него возникли симпатии к фашизму, Б. Муссолини, А. Гитлеру и проч.

⁵³ Шульгин В.В. Последний очевидец: Мемуары. Очерки. Сны / Сост., вступ. ст., послесл. Н.Н. Лисового. М., 2002. С. 471, 481, 484.

⁵⁴ Обратим внимание также на отзыв П.В. Вологодского: «Армией ген[ерала] Деникина получено сообщение, что Гри[шин]-Алмазов, будучи назначен г[енерал]-губернатором Одессы, вёл широкую, не по средствам, беспутную жизнь: пьянствовал, кутил, увлекался картёжной игрой и дамами полусвета, связался с арт[исткой] Липковской, вступал в какие-то подозрительные компании по организации игорных домов и т.п.» (*Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань, 2006. С. 181).

⁵⁵ Говоря о нём, автор справедливо отметил работу В.В. Марковчина «Три атамана» (М., 2003).

⁵⁶ По уточнённой информации, Келлер был зарублен петлюровцами.

и др.), П.П. Скоропадского⁵⁷ и С.В. Петлюры. Несколько меньше сказано о В.М. Пуришкевиче⁵⁸. Приводимые автором стихотворения (с. 14, 90, 123, 188, 217, 218, 222) органично вписываются в текст исследования и дополняют его, как и отсылки к театральным постановкам (с. 142–143). Увлекательно написанная книга А.С. Пученкова несомненно станет определённой вехой в историографии Гражданской войны.

Материал подготовлен А.В. Мамоновым

⁵⁷ О гетмане автор пишет неоднократно, но, возможно, ему при этом следовало бы уделить больше внимания мемуарам: *Скоропадський П.* Спомини. Київ, 1992; *Скоропадський П.П.* «Україна буде!..». Из воспоминаний / Публ. А. Варлыго // Минувше. Исторический альманах. Вып. 17. М.; СПб., 1994. С. 7–115.

⁵⁸ О его деятельности см.: *Иванов А.А.* Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011.